

Лера КОРСИКА

РАЗВОД
Драмы больше нет

Лера Корсика

Развод. Драмы больше нет

<https://litres.ru/74206729>

Аннотация

— Прямо в универе со студенткой! Ты же ректор! — растерянно смотрю на бесстыжего мужа.

— Неужели забыла, что я тебя подобрал, когда ты тоже студенткой была? — он отвечает нагло и вальяжно.

Я в шоке!

— Подобрал? — смотрю на него и не узнаю человека, с которым прожила семь лет, — Ты с ума сошел?

— С чего бы? Просто я мужчина в самом соку и мне нужна молодая кобылка.

Мой муж ректор университета. А я в нем преподаватель. Мы в браке целых семь лет!

Но бес в ребро и все узнают об его измене со студенткой. А самое главное, как мне жить, работать со всем этим позором?! Сочувствующие, злорадные, осуждающие взгляды. Сдаться? Уйти? Ни за что!

Книга участник литмоба (18+) "Между прошлым и будущим"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Визуалы	15
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Понедельник. Четыре пары кряду. Это не учеба, это изощренная форма пытки.

Особенно когда последняя — драматургия у третьего курса, а за окном давно стемнело, и твой собственный мозг медленно, но верно превращается в манную кашу.

Я стояла у доски, где мелом были выведены слова «КОНФЛИКТ», «КОЛЛИЗИЯ». И пыталась вдохнуть в уставшую, безразличную массу студентов хоть каплю страсти к Островскому.

— Коллизия, — произнесла я, чувствуя, как звук собственного голоса отдаётся усталым эхом где-то в затылке. — Это не просто стычка. Это тот самый пинок под зад, после которого герой больше не может жить по-старому. Это...

Мой голос оборвался сам собой.

В аудитории творилось что-то странное. Не привычный сонный шорох и шепотки, а какое-то вибрирующее, приглушённое напряжение.

Все мои двадцать пять студентов, будто по команде, уткнулись в экраны смартфонов. Одна девушка на первой парте резко подняла на меня глаза, и я прочитала в них не учебный интерес, а чистый, неподдельный ужас. Потом она резко покраснела и снова опустила взгляд в сияющий пря-

моугольник в ее руках.

Только я хотела призвать всех к порядку, как в кармане моей пиджака дико задержался телефон. Не звонок. Это был визг сотни уведомлений из чата.

И тут я увидела, как меняется лицо моего самого спокойного студента, Влада, парня, который обычно дремал на задней парте. Он растерянно переводил взгляд то на экран, потом на меня, потом снова на экран. Его лицо стало абсолютно пустым, маской. Он медленно, будто в замедленной съёмке, поднял руку.

— Анна Сергеевна... — его голос был хриплым, чужим. — Вам... вам лучше посмотреть.

Он не закончил. Со всех сторон послышались сдавленные всхлипы, кто-то ахнул. Кто-то выругался шепотом. По аудитории пробежал холодок, хотя окна были плотно закрыты.

Я, движимая каким-то тупым, животным предчувствием, шагнула к кафедре.

Руки сами нащупали телефон. Экран пылал десятками значков. Чат группы «Литература 3-2 (семинар Соколовой)». Последнее сообщение было файлом. Без комментариев. Отправитель — Карина Е.

Та самая яркая, чуть нагловатая блондинка с журфака, которая ходила ко мне на факультатив.

Мой палец, холодный и нечуткий, нажал на запуск.

Сначала ничего не было понятно. Трясущаяся картинка, снятая на телефон. Знакомый ковёр, дубовый край стола...

Сердце ёкнуло, я узнала деталь интерьера. Кабинет ректора. Кабинет моего мужа.

Потом в кадр вошли они.

Он, Максим, мой Максим, в своей идеальной синей рубашке, с галстуком, ослабленным на пару сантиметров.

Его лицо было видно вполоборота, на нём играла та самая снисходительно-увлечённая полуулыбка, с которой он когда-то объяснял мне, юной студентке, тонкости семиотики.

А рядом... Прильнувшая к нему, как ядовитый плющ, Карина. Её пальцы в его волосах. Его рука на её талии под тонкой кофточкой.

Звука не было. Но и без него всё было кричаще ясно. По тому, как её голова запрокинулась, как его плечи напряглись в знакомом мне жесте...

Мир не рухнул. Он замер. Он сузился до размеров этого жуткого, прыгающего экрана и до гулкой, ледяной тишины в моей голове. Я слышала, как по аудитории прокатился новый вздох — на этот раз полный неловкости и почти физической боли за меня.

Я подняла глаза. Двадцать пять пар глаз смотрели на меня. В них было всё: шок, жалость, дикое любопытство, паника... злорадство.

Я должна была что-то сказать. Сделать что-то. Руководить процессом.

Я Анна Сергеевна Соколова, преподаватель, а не эта оглу-

шённая женщина, которую предал самый близкий человек.

Я медленно, очень медленно положила телефон экраном вниз на кафедру. Звук от удара пластика о дерево прозвучал в тишине оглушительно громко.

— Итак, — мой собственный голос донёсся до меня, словно со стороны, удивительно ровный, почти академичный. — Как мы видим, драматургия жизненных коллизий... — я сделала микро-паузу, ловя воздух, — ...бывает куда изобретательнее любой театральной. Следующий вопрос для самостоятельного разбора — что такое трагифарс.

Я обвела взглядом аудиторию. Никто не дышал.

— У вас, — я даже попыталась вытянуть губы в подобие улыбки, но скорее получилась жутковатая гримаса, — уже есть отличный наглядный пример.

Я собрала свои бумаги. Движения были чёткими, механическими. Портфель. Папка. Сумка. Каждое действие отдавалось гулким эхом в вате, которой, казалось, была набита моя голова.

Я повернулась и пошла к выходу. Спина была прямая. Каблуки отстукивали по линолеуму мерный, чёткий ритм.

Я прошла мимо них, не видя лиц. Дверь поддалась мягко.

Только когда тяжелая дверь аудитории закрылась за мной, отсекая тот мир, где я была преподавателем. Впереди расплывался перед взором коридор. Еще шла пара и он был пустой и бесконечно длинный. Силы меня резко покинули.

Ноги стали ватными. Я прислонилась к прохладной сте-

не, уставившись в противоположную дверь, на которой было написано «КАБИНЕТ 314».

«Трагифарс, — тупо повторила я про себя. — Это когда твой муж, ректор института, изменяет тебе со студенткой. А ты узнаёшь об этом в кругу двадцати пяти свидетелей, во время семинара по драматургии. Зачёт с отличием, Аня. Ты только что сдала главный экзамен своей жизни на "неудовлетворительно"».

Я оттолкнулась от стены и пошла. Куда — не знала. Но идти было надо. Хотя бы для того, чтобы не упасть здесь, на этом казённом, затертом грязными тряпками полу.

Глава 2

Я прошла по коридору, не видя ничего.

Звук собственных шагов был глухим и безжизненным. Из-за дверей других аудиторий доносились голоса преподавателей — ровные, деловитые. Кто-то объяснял теорему. Кто-то спорил об исторических фактах.

Обычный учебный день. Мир продолжал вращаться с идиотским, оскорбительным постоянством.

Но только не для меня. Мой мир замер, словно муха в янтаре. Мне казалось, что я больше не дышу, не живу, не существую.

Ноги сами вынесли меня к лестнице. Я не пошла вниз, к выходу. Я поднялась на этаж выше. Туда, где были кабинеты кафедр и уборная для преподавателей. Инстинкт гнал меня в самое безопасное, самое безлюдное место.

Дверь в женский туалет показалась невероятно тяжелой. Я толкнула ее, буквально навалившись, зашла и щелкнула замком. Оказавшись в кабинке, я прислонилась лбом к прохладной перегородке. Дышать стало чуть легче.

И тут меня накрыло. Не плач. Не истерика. А дикая, яростная дрожь. Все тело затряслось мелкой, неконтролируемой дрожью, будто в лихорадке. Зубы застучали. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, пытаясь взять себя в руки.

«Не сейчас. Только не сейчас. Ты не можешь развалиться здесь, в институтском туалете».

Я вытащила телефон. Экран снова пылал уведомленийми. Десятки сообщений в том самом чате. Кто-то уже удалил видео, но цепочка комментарием росла со скоростью эпидемии.

«ОГО»
 «ЭТО ЧТО ТОЛЬКО ЧТО БЫЛО»
 «капец полный»
 «как она вышла вообще... респект»
 «ребят, удаляем нахер, а то проблемы будут»
 «слишком поздно, я уже скрин сделал»

«ты дебил конченный!!!! Удали быстро!!!!»

Я сбросила все уведомления и в силах вновь погружаться в эту грязь.

Потом звонки. Сначала от Людмилы Петровны, завкафедры. Я сбросила. Потом — от секретаря ректора. Сбросила. Потом замигал знакомый, вызубренный наизусть номер.

МАКСИМ.

Мое сердце, которое, казалось, остановилось, дико заколотилось, пытаясь вырваться из грудной клетки. Палец сам потянулся к красной кнопке. Я отклонила вызов. Он перезвонил мгновенно. Снова отклонила.

На экране всплыла смс от него: «АНЯ. ГДЕ ТЫ? ЭТО НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ. ПОЗВОНИ МНЕ СРОЧНО».

Я тупо смотрела на эти слова. «Не то, чем кажется?». Гениально. А чем оно кажется, Макс? Театральная постановка? Как плохой монтаж?
 Я бы Оскара дала и сказала:

«Верю!».

Из глубин памяти всплыла его фраза, сказанная на прошлой неделе за ужином: «Знаешь, с этой новой группой просто беда. Одна, Карина, кажется, так активно тянет руку, вечно с вопросами после пары. Надоедает». Он сказал это с легкой, уставшей улыбкой. А я, дура, потрепала его по руке: «Бедный ты мой, загруженный. Выгораешь, наверное».

Меня чуть не вывернуло от внезапного приступа тошноты. Я оперлась о стенку, глотая воздух.

Тут в голове щелкнул какой-то тумблер. Тот самый, который всегда спасал меня в кризисных ситуациях — на экзаменах, при дедлайнах, во время скандалов на кафедре.

Тумблер на отметку: «действовать».

Я разблокировала телефон и, стиснув зубы, чтобы они не стучали, открыла чат группы. Написала одно сообщение:

«Уважаемые студенты группы 3-2. Видеоматериал, распространенный сегодня в чате, является частной информацией, распространение которой может повлечь за собой последствия, предусмотренные законодательством. Всем рекомендую удалить файл и не участвовать в его дальнейшем распространении. Также категорически запрещаю обсуждение любых тем, кроме учебных. Текущая тема семинара — драматургические конфликты у Островского. Готова ответить на вопросы по теме в рабочем порядке. Соколова А.С.»

Отправила. Без смайликов, без точек над «ё». Сухо, официально, с угрозой. Пусть думают, что я железная. Пусть

опасаются. Страх — отличная замена жалости.

Потом я открыла список контактов, пролистала до буквы «И» и нажала на имя «Игорь Безбашенный (адвокат)». Так он сам себя записал в моем телефоне лет пять назад, после того как вытащил меня из истории с незаконным, как оказалось, сбором на ремонт кафедры.

Он ответил на втором гудке. В трубке слышались звуки автостреды и его спокойный, слегка хриплый от сигарет голос: — Анют, привет. Не ври, что звонишь просто поболтать. На тебя даже рингтон всегда звучит иначе. Из серии «дела-труба».

— Игорь, — мой голос прозвучал чуждо, но твердо. — Мне нужен адвокат. По бракоразводному. И, возможно, по защите чести и достоинства. Слушай, у меня тут... — голос дрогнул, и я стиснула телефон так, что жалобно скрипнул пластик. — Тут такое видео появилось в студенческом чате. Максим. Со студенткой.

В трубке воцарилась тишина, нарушаемая только шумом машин. Потом Игорь тихо, безо всякой иронии, выдохнул: — Блядь. Это серьезно. Ты где сейчас? — В универе. В туалете на четвертом этаже. — Сиди там. Не выходи, пока не приеду. Ни с кем не говори. Особенно с ним. Выключи телефон или переведи на беззвучный. Через двадцать минут я буду у главного входа. Ты сможешь спуститься? — Смогу, — сказала я с гораздо большей уверенностью, чем чувствовала. — Молодец. Держись, сестрен-

ка. Сейчас разберемся. Щас мы им устроим такой трагифарс, что Островский в гробу перевернется.

Он бросил трубку. Я выключила звук у телефона, положила его в сумку и посмотрела на свое отражение в потускневшем зеркале над раковиной. Бледное лицо, огромные глаза, подведённые чёрным карандашом, который почему-то не поплыл. Видимо, качественный. Губы сжаты в тонкую, бледную ниточку. Я выглядела как призрак.

«Трагифарс, — повторила я мысленно. — Акт первый: Разоблачение. Анна Соколова, без пяти минут кандидат филологических наук, преподаватель высшей категории, обнаруживает, что её брак — бутафория. Муж — главный злодей. А она... она что? Несчастливая героиня?»

Я набрала в ладоши холодной воды, аккуратно промокнула лицо ледяными ладонями, смахнула влажные пряди со лба. Потом достала из сумки помаду. Ярко-красную, почти вызывающую. Провела ей по губам, глядя в зеркало. Отражение стало чуть менее призрачным. Чуть более опасным.

«Нет, — сказала я своему отражению. — Не несчастная. Главная героиня, которая всем надерет задницу».

Я вышла из туалета. Коридор все еще был пуст. Взглянула на часы. У меня было пять минут до конца пары.

Где-то в конце, у окна, курили две аспирантки. Они обернулись на мой стук каблуков, их разговор резко оборвался. Они резко спрятали парилки.

Они смотрели на меня, на мои яркие губы, и в их глазах

читалось дикое любопытство, смешанное со страхом.

Уже все знают.

Я кивнула им так же деловито, как кивала всегда, и пошла к лестнице, выпрямив спину. Мне нужно было дойти до главного входа. Дойти самой. Чтобы встретить Игоря не заплаканной размазней из туалета, а клиенткой, у которой есть проблема, требующая юридического решения.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице, я вдруг с чувственной ясностью представила кабинет мужа. Его огромный дубовый стол, где он принимал важных гостей. Кожаное кресло. И знала — с абсолютной, леденящей уверенностью — что прямо сейчас там идет своя драма. Он мечется между телефоном, юристами и попытками найти эту... Карину.

Будет кричать, давить, пытаться всё замести.

Уголки моих губ сами собой дрогнули в подобии улыбки. Холодной, без единой капли тепла.

«Ну что ж, Максим Петрович, — подумала я, выходя на первый этаж. — Давайте посмотрим, чья драматургия окажется сильнее. Ваша — лживая, пошлая мелодрама про кризис среднего возраста. Или моя — классическая, честная трагедия с элементами фарса. Но я уже решила. В моей пьесе я буду не жертвой. Я буду режиссёром».

Двери главного входа распахнулись передо мной, впуская внутрь холодный вечерний воздух. На улице, у обочины, уже мигал аварийкой знакомый внедорожник Игоря.

Визуалы

Всем привет!

Рада видеть вас с новой историей!

 Буду благодарна за поддержку на старте: добавление книги в библиотеку, звездочке, репосту!

А вот и наши герои!

Анна Сергеевна Соколова (30 лет)

Преподаватель кафедры русской литературы. Яркая, остроумная, с живым и немного саркастичным взглядом на мир.

Максим Петрович Волков (40 лет)

Ректор престижного гуманитарного университета.

Харизматичный, амбициозный, с безупречными манерами и стальной хваткой.

Строил карьеру как скалу, но облажался...

Глава 3

Я шагнула в прохладную ноябрьскую мглу, и она обняла меня, как родная. В универе было душно от лжи, а здесь хотя бы честно — холодно, сыро и пахло жжеными листьями.

И никаких глаз, жадно выискивающих на моем лице тревогу и панику.

Игорь, не вылезая из машины, открыл пассажирскую дверь. Я втиснулась внутрь, унося с собой шлейф пережитого кошмара. Знакомый запах салона — кофе, сигареты, древесный одеколон — на секунду вернул чувство реальности.

— Поехали ко мне, — бросил он, срываясь с места. — Ты как? Можешь рассказать?

И я говорила.

Монотонно, как сводку погоды, где вместо осадков — измена, а вместо давления — вселенский позор. Видео. Где, когда, кто. Его смс. Моя отповедь в чате.

Он слушал, не перебивая, изредка вставляя крепкое слово.

— Ты позвонила ему? — спросил он, когда я выдохлась.
— Нет.
— И не звони. Вообще. Не сейчас. С этого момента все коммуникации — только через меня. Поняла? Он сейчас в панике. Будет пытаться манипулировать. Тебя сделать виноватой. Его главный козырь... — Игорь хмыкнул. — Собаку, наверное, вспомнит. Главное, не ве-

стись на провокации. Нужно собрать информацию и быть готовым.

Он, как всегда, попал в точку. Я кивнула, глядя в темное стекло.

— Игорь, — тихо сказала я. — Мне некуда ехать. И... Марсика надо забрать.
 — Ко мне едем, я сказал. И собаку заберем. Не сегодня ночью. Завтра, с утра. Она же там не помрет от голода?

Я тяжело вздохнула.

— У меня Марина с племянниками гостят, кавардак, так что тебе — диван на кухне, собака твоя — одно название. И не заметит никто. Временно.

«Временно». Самое страшное слово на свете.

— Я не хочу стеснять...
 — Замолчи, — отрезал он без злобы. — Дружья на то и дружья. Теперь слушай план. Завтра подаем на развод. Параллельно — запросы в универ, минобр. Хотя, туда и так настучат. Предупредительный выстрел. Твой *бывший* (он произнес это слово с ядовитым удовольствием) сейчас занят только одним — как заткнуть рты самым громким и наглым. Ну и Карина эта. Явно же подстава. Хоть он яйца свои к ней и подкатил. Явно ж его не принуждали, — Игорь хохотнул, — Но наша задача — чтобы он не втягивал в эту грязь тебя. Поняла?

— А я? — спросила я. — Что я делаю?
 — Ты — преподаватель, Соколова, — он бросил на меня быстрый взгляд, — ты идешь завтра на работу. С высоко поднятой головой.

На каблучках. Красоткой! И с этой своей боевой помадой. Ведешь все пары. Как ни в чем не бывало. Любые вопросы — «не могу комментировать, давайте лучше о «литературе». Ты — скала. О которую разобьются любые шторма.

«Скала», — подумала я, представляя, как дома, в пустой теперь уже квартире, маленький мопс тыкается носом в дверь, ожидая, что она откроется. Внутри душа мучительно сжалась.

— Я не могу, Игорь.

— В смысле не можешь? Сейчас приедем. Я налью тебе коньяку. Ты выпьешь. Позвонишь маме. А потом — спать. А завтра в восемь — ты уже скала!

— Нет же. Надо Марса забрать. Я не могу его там оставить. Да и вещи...

— Горюшко ты мое, — запричитал Игорь, словно старичок на завалинке, а я впервые за этот день улыбнулась.

Машина Игоря остановилась у нашего, теперь уже наверняка бывшего, подъезда.

Сумерки сгущались, превращая день в грязновато-серые разводы. Я сидела, сжимая в руках поводок, купленный Игорем по дороге в круглосуточном зоомагазине.

— Отличный план, — сказал он, выключая двигатель. — Он сейчас еще в универе, разгребает последствия. Входим, берём собаку, твои вещи первой необходимости, и сливаемся.

— А если он тоже уже вернулся? — спросила я с опаской, глядя на знакомые окна третьего этажа. Они были тёмными.
— Вряд ли. Он ещё не успел перевести дух. Погнали.

Лифт поднимался с тихим жужжанием. Я смотрела на свое отражение в полированных дверях: я — бледная, с яркими губами, Игорь — мрачный и собранный, как перед штурмом. Он держал в руках большую складную сумку ИКЕА, которая откуда-то взялась у него в багажнике.

Ключ вошел в замок. Тихий щелчок, и дверь открылась. Из квартиры пахло теплом, уютом и... пустотой. Не физической — вещи были на месте. А той пустотой, которая возникает, когда из пространства уходит жизнь.

— Марсик? — позвала я тихо, срывающимся голосом.

Из гостиной донесся шорох, потом тяжёлое сопение и цокот когтей по паркету. Мой мопс вывалился в прихожую, явно только что проснувшись. Увидев меня, он на секунду замер, будто не веря, потом бросился вперёд с радостным, хриплым повизгиванием, подпрыгивая и пытаясь лизнуть мои руки.

Я присела, зарылась лицом в его тёплую складчатую шею, и снова, как в том преподавательском туалете, по всему телу пробежала мелкая, неконтролируемая дрожь.

Мой малыш. Он пах домом, которого больше не существовало.

— Так. Давай без сантиментов, — сказал Игорь, проходя

мимо нас в спальню. — Я соберу твои документы и ноутбук. Ты иди, собери самое необходимое из одежды и в ванной. У нас пятнадцать минут максимум. Если не хочешь сюрпризов.

Я поднялась, всё ещё держа Марсика на руках, и пошла в спальню. Казалось, будто я воришка в чужой квартире. Я наскребла в чемодан нижнее бельё, джинсы, свитера, не глядя, взяла первую попавшуюся тёплую пижаму. Из ванной — зубную щётку, пасту, крем, расчёску.

Всё это падало в чемодан с глухим стуком. Игорь тем временем методично обшаривал кабинет: паспорт, дипломы, зарядки, внешний жёсткий диск.

— Игрушки Марсика, — бросил он, проходя мимо. — И корм. Погнали.

Мы двинулись обратно по коридору. И тут мой взгляд упал на дверцу серванта в гостиной. За стеклом поблёскивал тот самый фарфоровый сервиз, подарок его мамы, который мы никогда не использовали, хранили... И стопка простых, белых тарелок в сушилке.

Я остановилась.
— Игорь, — сказала я. — Дай две минуты.
Он обернулся, увидел моё лицо и понял. Кивнул, ничего не спрашивая.

Я поставила Марсика на пол, открыла сервант. Достала первую попавшуюся чашку. Потом вторую. Потом пошла к сушилке и взяла тарелку.

— Это за каждый год лжи, — прошептала я и швырнула чашку об пол у своего же ботинка.
Грохот разбивающе-

гося фарфора прозвучал в тишине невероятно громко.

Марсик испуганно отпрыгнул под стол.

Вторая чашка полетела в стену. «Это — за кабинет ректора».
Тарелка разбилась о край мойки. «Это — за то, что это видели все мои студенты».
Я не кричала, я методично, с какой-то ледяной яростью, уничтожала эти символы «нормальной» жизни. Блюдца, маленькие тарелочки, ещё чашки. С каждым ударом внутри становилось тише. Освобождалось место.

Когда на полу лежала россыпь белых с золотом осколков, я остановилась, тяжело дыша.

Игорь стоял в дверях, держа в одной руке мой ноутбук, в другой — перепуганную собаку. На его лице читалось неодобрение, но и молчаливое понимание.

— Катарсис? — спросил он.
— Избавление от мусора, — хрипло ответила я.

Мы спустились вниз. Я везла чемодан на колесиках, Игорь нёс сумки, Марсик семенил рядом на поводке, озадаченно обнюхивая воздух. И только мы вышли из подъезда в прохладный вечер, собираясь грузиться в машину, как внедорожник Максима — чёрный, выхоленный, как и всё у него — резко затормозил прямо перед нами.

Книга участник литмоба "Между прошлым и будущим"
Заглядывайте! Вас ждем много отличных книг!
<https://litnet.com/shrt/HfiV>

Глава 4

Марсик неуклюже семенил рядом на новом поводке, обнюхивая каждый столб, он один был счастлив.

И тут он появился. Его чёрный внедорожник влетел во двор так резко, что шины взвизгнули по асфальту. Машина ещё не остановилась, а дверь уже открывалась. Максим выпрыгнул, не глядя по сторонам. Он шёл прямо на нас, быстрыми, размашистыми шагами, и в его осанке не было и тени прежней уверенности — только сжатая, неистовая ярость.

— Как знал. Куда собралась на ночь глядя, женушка? — его голос был хриплым, пересохшим горлом. Он встал передо мной, преграждая путь к машине Игоря, и его взгляд скользнул с моего чемодана на Марсика, на Игоря. — Почему ты не берешь телефон, а?! Я сколько раз звонил! Тебе совсем неинтересно, что с мужем твоим происходит? Я ждал, что ты зайдешь ко мне в кабинет.

— Максим Петрович, — начал Игорь, отставляя сумку, — ваши эмоции понятны, но давайте обсудим всё цивилизованно.

Максим, наконец, перевёл на него взгляд, и в его глазах вспыхнула такая ненависть, что мне стало физически холодно. — Что он здесь делает? А?! — он крикнул это так, что Марсик поджал хвост и заскулил. — Я же тебе говорил — чтоб духу его в нашем доме не было! Это мой дом! И ты

тащишь сюда этого... шута горохового!

— Он мой адвокат, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — И я забираю свои вещи. Я от тебя уйду.
— Какие вещи?! Какие вещи ты можешь забирать?! — он сделал шаг ко мне, и я невольно отступила. — Всё здесь куплено мной! На мои деньги! И собака — тоже моя!

— Собака подарена мной Анне на день рождения, о чем я могу свидетельствовать, — холодно парировал Игорь. — И личные вещи — её собственность.
— Ты заткнись! — Максим взревел и резко толкнул Игоря ладонью в грудь. Толчок был таким сильным, что Игорь, не ожидавший, споткнулся и отлетел к крылу своей машины, едва удержавшись. — С тобой я не разговариваю! Я разговариваю со своей женой!

— Без пяти минут бывшей женой, — прошипела я, и меня затрясло от гнева. — И не смей его трогать!
— А ты что сделаешь? — он ядовито передразнил меня. — Куда ты собралась, я спрашиваю?! Быстро домой пошла! Поднимай этот свой хлам и марш наверх!

Игорь выпрямился. На его лице не было страха, только холодная, сосредоточенная ярость. Он не был драчуном, но видно было — терпение лопнуло.
— Тронь её ещё раз — пожалеешь, — сказал он тихо, но так, что по спине пробежали мурашки.

— Ты мне угрожаешь?! Да я тебя... — Максим бросился на него.

Это уже не было толканием. Он замахнулся, но Игорь успел уклониться, и кулак чиркнул по его плечу. В следующий момент Игорь схватил Максима за предплечье и грубо оттолкнул. Они сцепились — не в красивой драке, а в уродливой, силовой борьбе: толкали друг друга, пытаясь заломить руки.

Мне стало действительно страшно.

— Отстань от него! — закричала я, но мой голос потонул в их хриплом дыхании и скрежете.

— Думаешь, ты можешь просто сбежать?! — кричал Максим, пытаясь прижать Игоря к капоту. Его лицо было багровым. — Думаешь, тебя это не касается?! Это не только мой скандал! И моя карьера! Пойдешь следом, если на что-то против вякнешь. Ты знаешь мои связи! И ты будешь сидеть дома и молчать, как положено! А не шлаться с этим неудачником!

И тут я увидела, как Игорь, собравшись с силами, резко вырвался и толкнул Максима так, что тот отлетел к своему внедорожнику, ударившись спиной о зеркало. Зеркало сломилось с сухим треском.

Максим, оглушённый, на секунду замер. Потом в его глазах вспыхнуло чистое, неконтролируемое бешенство. Он снова рванулся вперёд, и на этот раз его кулак летел четко Игорю в лицо.

Я не думала. Я метнулась к открытой двери машины Игоря, нырнула внутрь, захлопнула дверь и вжала ладонь в клак-

сон.

БА-БА-БА-БА-БААА!

Оглушительный, рвущий барабанные перепонки рог пробил вечернюю тишину. Звук был физически болезненным. Оба мужчины вздрогнули, как от удара током, и разом рожали хватку, затыкая уши руками. Они отпрыгнули друг от друга, ослеплённые ещё и фарами, которые я в панике тоже задела.

Я не отпускала сигнал, пока в окнах соседних домов не замигали, не зажглись десятки глаз-окон. Потом отпустила. Наступила гробовая, звонкая тишина, в которой стоял лишь свист в ушах.

Дверь со стороны водителя с силой распахнулась. На пороге стоял Максим. Дышал он тяжело, как загнанный бык. Рубашка порвана на плече, из рассеченной брови сочилась тонкая струйка крови. Но самое страшное были глаза. В них не было прежней ярости. Там была ледяная, сконцентрированная злоба.

Он не кричал. Он говорил тихо, сквозь стиснутые зубы, и каждое слово было похоже на удар ножом:

—Сигналить научилась? Молодец. Вылезай. Не доводи. Нам надо поговорить. Без твоего клоуна. Без этих дурацких спектаклей. Ты думаешь, что отсидишься? Нет. Ты в этой грязи по уши, милая. По самые уши.

Глава 5

Я смотрела на мужа во все глаза. Мне было страшно!

Я не вылезала. Я сидела за рулем машины Игоря. Тот стоял на небольшом расстоянии от Макса и пытался его вразумить, но тот лишь рычал в ответ. Я смотрела сквозь лобовое стекло на его искаженное лицо. Мои пальцы вцепились в руль так, что кости побелели.

— Говори, — сказала я, и голос мой прозвучал неожиданно четко в тишине. — Мне слышно.

— Выходи из машины! Что за цирк? — его терпение лопнуло, он ударил ладонью по капоту. Машина качнулась. — Ты слышишь меня?! Быстро!

— Анна, не выходи, — тихо, но твердо сказал Игорь, делая шаг вперед. Он был бледен, но собран. — Максим Петрович, вы превышаете все допустимые границы. Следующий ваш агрессивный шаг — и я звоню в полицию. При свидетелях. — Он обвел рукой по освещенным окнам. — Вам это нужно? Вы уверены, что у вас мало проблем?

Слова Игоря подействовали. Максим резко замер. Его взгляд метнулся к окнам, к нам, к своей машине. Он сглотнул, вытирая тыльной стороной ладони кровь с брови. Она размазалась по лицу, делая его еще более жутким.

— Хорошо, — прошипел он, опуская руку. — Хорошо. Говорим так. Ты думаешь, что можешь просто уйти? Взять

собаку, вещи и свалить, как будто ты ни при чем? — Он наклонился, упершись руками в дверь, его лицо было в сантиметрах от стекла. — Это твой дом! Ты моя жена! Ты будешь сидеть здесь и молчать, пока я все не улажу! Поняла?!

— Улаживай, — выдохнула я. — Сам. Без меня. Я больше не собираюсь быть твоей женой! Я больше не собираюсь терпеть твои развлечения со студентками.

— Ой ли? — он издал хриплый, неестественный смешок. — А кто тогда семь лет сидел и ждал, когда я освобожусь? Кто на всех приемах улыбалась, как порядочная супруга ректора? А? Это была не ты? Ты теперь вдруг стала? Независимая? Хватит врать сама себе! Давай, Аня, живее. Домой пошли.

Его слова били точно в самое больное, в самую суть всех моих сомнений. Я чувствовала, как краснею от стыда и злости.

— Я была дура. Теперь — нет.
— Да как же? Когда ж ты дурой быть перестала? — он снова ударил по крыше, и Марсик на заднем сиденье жалобно взвизгнул. — Ты ведешься на удочку этого неудачника! Он тебе что наобещал? Поможет? Отсудит? Да он сам нищий юрист, который на разводах шакалит! Он тебя использует, дуру, чтобы насолить мне!

— Заткнись, Максим, — голос Игоря прозвучал прямо над его плечом. Он подошел вплотную. — Следующее оскорбление — и наш разговор закончится повесткой в суд

о клевете. Выбирай выражения.

Максим обернулся к нему, и между ними снова пробежала та самая напряженная молния. Он попытался толкнуть Игоря, но тот отступил. — Ты мне не указ. Ты — никто. Понял? Никто.

Он повернулся обратно ко мне. — В последний раз говорю. Поднимайся наверх. И пусть этот... исчезает. А то я за себя не отвечаю! И тогда... тогда я, возможно, найду в себе силы тебя простить за это трусливое бегство. И мы попробуем начать все с чистого листа.

В его тоне было что-то новое. Не ярость, а скрытая угроза, обернутая в фальшивое милосердие. «Начнем с чистого листа». То есть, это я должна буду забыть его свинство? Молчать? Снова играть роль?

Нет уж!

Я посмотрела на его окровавленную бровь, на безумный блеск в глазах. Посмотрела на Игоря, который стоял, сжав кулаки, готовый в любой момент снова вступить. Посмотрела в зеркало заднего вида на перепуганного Марсика.

И поняла, что не могу. Не могу даже сделать вид, что готова терпеть и мириться.

Я медленно, очень медленно, повернула ключ зажигания. Двигатель машины Игоря завелся с тихим урчанием.

— Нет, Максим, — сказала я так же тихо, как он минуту назад. — Не начнем. Чистый лист ты уже испачкал. Сам. И теперь тебе придется жить с этим. В одиночку.

Я включила первую передачу. Игорь, поняв мое движение, мгновенно отступил и сел на пассажирское сиденье, хлопнув дверь.

— Стоять! — закричал Максим, но было поздно.

Я плавно тронула с места, заставляя его отпрыгнуть от машины. Мы выехали со двора. В последний раз в боковом зеркале я увидела его: он стоял посреди дороги, один, в свете уличного фонаря, с разбитым лицом и сжатыми кулаками.

Глава 6

В салоне несколько минут царила тишина. Потом Игорь шумно выдохнул:
— Господи, как псих какой-то. Ты в порядке?
— Нет, — честно ответила я, чувствуя, как дрожь наконец-то накрывает меня с головой.

— Давая я за руль сяду?

Я лишь часто закивала, паркуясь на ближайшем пяточке.

Мы поменялись местами, но продолжали стоять.
— Анют, я рядом, — Игорек положил свою руку на мои озябшие пальцы.

— Мне нужно немного времени собрать себя в кучу. И я решу, что делать. Просто... отвези нас, пожалуйста, к вам. И... есть у вас перекись? Для Марсика. Он, кажется, лапу о стекло поранил, когда испугался.

Сказав это, я расплакалась. Тихо, почти беззвучно, глотая соленые слезы и глядя на темную дорогу впереди. Это были слезы не слабости. А того самого катарсиса. Окончательно, бесповоротного расставания с иллюзией, что в человеке, которого ты любила, осталось что-то человеческое.

Мы ехали в почти полной тишине, нарушаемой только прерывистыми всхлипываниями Марсика на заднем сиденье и моим собственным неровным дыханием. Дрожь, наконец, отпустила, сменившись ледяной, тошнотворной пустотой.

Игорь первым нарушил молчание, но его голос был

непривычно мягким, без привычной ироничной шероховатости.
 — Лапу он, кажется, действительно поранил. Но перекинь дома есть. И бинты. И вата. И даже собачий корвалол в виде лишнего куска вареной курицы.
 Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Горло сжал ком.
 — Аня, — он помедлил. — То, что он сказал... про семь лет, про баб этих... Ты это в голову не бери. Я всегда знал, что он конченный, но ты так его любила, я бы никогда не стал лезть со своими советами.
 Я снова кивнула, потом покачала головой, запутавшись в собственных реакциях.
 — Я... я не знаю, — прошептала я наконец, и голос мой прозвучал хрипло и чуждо. — Он же прав, в чем-то. Я и правда сидела. Ждала. Улыбалась. Строила из себя... из себя эту идеальную картинку. «Жена ректора». А кто я сама?
 — Ты Анна Соколова, — резко сказал Игорь. — Блестящий преподаватель. Которая на третьем курсе заставила меня, конченного технаря, прочесть всего Достоевского и понять его. Которая защитила кандидатскую на материале, от которого у всех глаза на лоб лезли. Которая на кафедральном собрании поспорила с матерым профессором и отстояла свою программу. Вот кто ты.

Я смотрела на темные улицы, по которым мы ехали, и его слова наталкивались на глухую стену внутри.
 — А сейчас я та, из-за которой два взрослых мужика чуть не подрались во дворе, как гопники. Та, чье лицо теперь у всего университета ассоциируется с похабным видео. Та, у которой

нет дома.
 — Дом — не там, где стены, — отрезал Игорь, но звучало это как дежурная утешительная фраза, и он сам это понял. Вздохнул. — Ладно, забей. Не слушай меня. Давай лучше технически. Что завтра?

Вопрос повис в воздухе. *Завтра.*
 — Завтра... — я сглотнула. — Завтра я должна прийти на работу. Три пары. Встать перед теми же студентами. Пройти по коридорам, где все будут смотреть, шептаться, тыкать пальцем. Не знаю, смогу ли...
 — Нет. Ты не «должна». Ты *сможешь*, — поправил он. — Будешь... как мина замедленного действия. Которая тихо идет на свои пары, преподает, а вокруг все уже знают, что она взведена. И боятся даже пискнуть. Наденешь лучший костюм, сделаешь безупречный макияж. На любые провокации будешь реагировать холодным, напускным, непробиваемым спокойствием, обрывая их и ставя на место. Это их не касается.

Машина свернула в его двор. Он выключил двигатель, но не двинулся с места.
 — Слушай, — сказал он, глядя прямо перед собой на темное стекло. — Он проиграл сегодня. По всем фронтам. Он потерял лицо, потерял контроль над собой, да и над тобой тоже. И он это понял. Поэтому он рвал и метал. Но такая злоба... она не уходит. Она ищет выход. Он будет пытаться давить через универ. Через общих знакомых. Может, даже через маму твою попробует. Ты готова к этому?

Я закрыла глаза. Перед глазами снова стояло его окровав-

ленное, искаженное ненавистью лицо.
 — Нет, — честно ответила я. — Я не готова. Я хочу залезть в нору с Марсиком и не вылезать.
 — Но ты не сделаешь этого.
 — Нет, — выдохнула я. — Не сделаю. Потому что если я залезу в нору, то он победил. И тогда... тогда эти семь лет правда были пустотой. А они не были. Я не была пустотой. Моя работа, мои студенты, мои мысли... они были настоящими. Просто... не для него.

Игорь обернулся ко мне, и в свете фонаря во дворе я увидела на его лице что-то вроде уважения.
 — Вот и говоришь, что не знаешь, кто ты. Знаешь. Просто забыла немного. Давай вылезай. Сейчас будет курица, перекуси, что там еще нужно... И ты позвонишь маме. Из первых уст, как есть. Чтобы предупредить. Сказать, если он позвонит — вешать трубку. Это важно.

Мы вышли. Марсик нехотя поплелся за нами, припадая на одну лапку. Я не выдержала и взяла его на руки.

В подъезде пахло тушеной капустой. Это было так, по-домашнему, что мне снова стало не по себе.

Игорь открыл дверь в свою небогатую, но уютную трешку, и нас встретил радостный лай его сеттера Бруно и крики детей из дальней комнаты.

И вот я сидела на кухне на том самом диване. Марсик, наевшись курицы и получив свою порцию любви и заботы (оказалось, что тревога ложная, а ранка маленькая), устроился у моих ног, тяжело вздыхая. Передо мной стоял чай. И

с укором темнеющий экраном телефон.

— Звони, — сказал Игорь, стоя у плиты и помешивая в кастрюле пельмени. — Я тут.

Глава 7

Игорь вложил мобильный мне в ладонь.

— Давай же!

Я набрала номер мамы, уставившись в потертый пластик стола. Игорь встал у плиты, отвернувшись, делая вид, что занят, но его молчаливая поддержка окутывала меня. Его спина была повернута ко мне, но я чувствовала его напряженное внимание — он не шумел кастрюлями, движения его были почти бесшумные.

Мама ответила чуть ли не на первом гудке.

— Анечка? Господи, наконец-то! Что происходит? Мне Людмила Александровна звонила, говорит, какой-то кошмар там у вас, ты еще в университете?

Я сжала телефон так, что пальцы заныли, но не могла произнести и звука.

Игорь обернулся, оперся о столешницу и скрестил руки, его взгляд был пристальным и спокойным, как якорь.

Я рвано выдохнула.

— Мам, — перебила я ее, и мой голос, к собственному удивлению, обрел твердость. — Все правда. Максим мне изменял со студенткой. Есть видео. Весь универ видел. Я буду... подавать на развод. Я сейчас у Игоря. С Марсиком.

С другой стороны повисла мертвая тишина, такая густая, что казалось, ее можно потрогать. Потом — тихий, преры-

вистый вздох, в котором слышалось не столько удивление, сколько боль.

— Анечка... родная... Почему ты мне сразу...

— Мам, слушай внимательно. — Я вдохнула, перевела взгляд на Игоря. Он медленно, ободряюще кивнул, подкрепляя мой решительный тон. — Максим сейчас в таком состоянии... он не в себе. Он может позвонить тебе. Может пытаться что-то объяснять, жаловаться на меня, просить о помощи. Ты не должна с ним разговаривать. Ни слова. Ты ве-
шаешь трубку. Поняла?

— Но... он же как сын... был... — в голосе мамы слышалась растерянность, попытка ухватиться за старый, разрушенный образ.

— Нет, мам! — резко вырвалось у меня, и ком снова встал в горле. Я видела, как Игорь хмурится, предчувствуя, к чему может привести эта мягкость. — Он был и остается мудак. И сейчас он опасен. Он сегодня... он дрался с Игорем. Прямо во дворе. Он кричал ужасные вещи. Ты не должна его слушать. Ради меня. Пожалуйста.

Снова пауза.

Я слышала, как на том конце провода мама растерянно подбирает слова, потом вдох. Потом я услышала, как она с силой выдыхает, и в ее голосе появляются стальные нотки, знакомые мне с детства по тем редким моментам, когда нужно было встать за меня горой.

— Поняла. Ни слова. Ты где сейчас? Тебе деньги нужны?

Я чуть улыбнулась. Моя боевая мамуля всегда принимала мою сторону, что бы я не натворила.
 На сердце ледяная лапа чуть ослабила хватку. И я сказала уже чуть спокойнее.

— Я у Игоря. Деньги... пока нет. Спасибо. Я... я люблю тебя, мам.

— И я тебя, дочка. Держись. Если что — звони в любое время. Да и приезжай, что ты у чужих людей-то? — она попыталась смягчить, но ее голос все еще дрожал.

— Мне надо с работой решить, мам. Здесь пока удобнее. Спасибо. Люблю тебя. — Я почувствовала, как Игорь, услышав слова «чужих людей», лишь чуть усмехнулся уголком рта и покачал головой, как бы говоря: «Да ладно, какая разница».

— Ох, доча, что же это делается... — ее голос сорвался. Мы положили трубки. Я положила телефон на стол с глухим стуком и обхватила чашку с чаем руками, пытаюсь согреть ледяные, почти нечувствительные пальцы. Дрожь, которую я сдерживала весь разговор, снова попыталась прорваться наружу.

Игорь отвернулся к плите, снял с огня кастрюлю и стал накладывать в две тарелки поздний ужин — что-то густое, пахнущее специями и теплом.

Действия его были неторопливыми, успокаивающими. — Молодец, — сказал он одобрительно, не оборачиваясь, голос его звучал ровно и тепло, как еда, которую он готовил. — Первый периметр обороны установлен. Важный. Теперь

ты. И нам нужен четкий план на завтра. Без него — нельзя.

Он подошел к столу, поставил передо мной тарелку, от которой шел согревающий пар, и сел напротив, подвинув к себе свою.

В его взгляде не было давления, только твердая, непоколебимая поддержка.

Я посмотрела на еду. Запах, обычно аппетитный, сейчас вызывал легкую тошноту. Желудок сжался в тугую, болезненный комок.

— Я не смогу, — прошептала я, отодвигая тарелку. — Извини.

Игорь не стал уговаривать. Он просто взял вилку, зачерпнул из своей тарелки, поднес ко рту и, не отрывая от меня взгляда, съел. Потом положил вилку, облокотился на стол.

— Надо, — произнес он тихо, но так, что это прозвучало непрекаемо. — И не спорь со мной. Это не еда. Это топливо. Топливо для завтрашней битвы. Ты не можешь выйти на поле боя на пустой желудок и с трясущимися руками. Даже если будет противно. Даже если вывернет. Три ложки. Минимум. Договорились?

Его взгляд не позволял спорить. В нем не было агрессии, только непоколебимая логика и забота, закаленная в подобных кризисах. Я медленно потянулась к вилке.

Первый пельмень показался безвкусным и тяжелым. Но с каждым глотком ледяная пустота внутри понемногу отступала, сменяясь хоть каким-то, пусть и механическим, чувством

наполненности. Игорь молча наблюдал, изредка кивая, когда я делала очередное усилие, и в его молчаливой поддержке было больше силы, чем в любых словах.

Я лишь вздохнула.
 — Завтра. Тыходишь в универ ровно в восемь сорок пять. Не раньше, не позже. Чтобы не было лишнего времени, и вероятность пересечься с ним была минимальна. Идешь прямо в преподавательскую. Киваешь всем, как обычно. Если кто-то попытается заговорить о ситуации — ты говоришь: «Извините, у меня пара через пять минут, мне надо подготовиться». И уходишь. На парах — только тема занятия. Никаких отступлений. Никаких намеков. Ты — профессионал. В конце дня — приходишь сюда. И разрешаешь себе развалиться на куски. Но только здесь. Поняла?

Я смотрела на него и понимала, что он прав. Без этой жесткой, почти армейской инструкции я сломаюсь утром на пороге университета.
 — Поняла, — кивнула я.
 — И последнее. Самое главное, — он пристально посмотрел на меня. — Ты не виновата. Ни в чем. Ни в том, что он сволочь. Ни в том, что тебя выставили на посмешище. Ни в том, что мы подрались. Это его выбор. Его действия. Ты просто жертва, которая решила не быть жертвой. Запомни это.

Я хотела сказать «спасибо», но слова застряли. Вместо этого я просто кивнула, глядя на пар, поднимающийся от чая. На кухне пахло едой, собакой, а еще безопасностью. Временной, шаткой, но — безопасностью.

Завтра был только вторник. Новая неделя. Новая жизнь, начинающаяся с того, чтобы просто пройти по коридору и не сломаться. Это казалось невозможным. Но другой опции у меня не было. Только вперед.

Глава 8

Ровно в восемь сорок пять, как советовал Игорек, я пересекла порог главного корпуса.

Ноги были ватными, сердце колотилось где-то в районе горла, но спина была прямой, а каблуки отбивали четкий, твердый ритм по мрамору.

Я смотрела не по сторонам, а в конец длинного главного коридора, где висело расписание. Это был мой маяк.

Первые метры прошли в звенящей тишине собственного ужаса. Потом я начала различать детали. Группа студентов у окна резко замолкла, когда я поравнялась с ними. Из открытой двери деканата вынырнула секретарша Ольга Петровна, увидела меня, замерла с папкой в руках и тут же юркнула обратно, будто боясь пересечься и заговорить.

Шепот. Он был похож на сухой, злобный шелест опавших листьев. Не разобрать слов, только шипящие согласные и ощущение, что тебя разглядывают в микроскоп, изучая каждую трещинку на хрупкой маске «ледяной девы».

Я шла, повторяя про себя: «Прямой взгляд. Кивок. «Извините, пара»».

И вдруг, прямо перед дверью в преподавательскую, меня обогнала небольшая, вертлявая фигурка. Она словно выпорхнула из-за угла, щеголяя новой, дорогой дубленкой и фирменной сумкой через плечо. Карина.

Она, обогнув меня, замедлилась и пошла не спеша, явно меня заметив и рассчитав траекторию. Мы оказались у двери одновременно. Она сделала вид, что тянется к ручке, и наша встреча стала неизбежной.

Она подняла на меня глаза. В них не было ни стыда, ни страха. Было наглое, изучающее любопытство и едва уловимая усмешка. Она ждала, что я сделаю. Возможно, ждала истерики, публичного скандала, который окончательно превратит меня в жалкую жертву.

Я почувствовала, как все внутри сжимается в ледяной ком. Кровь отхлынула от лица. Но я вспомнила взгляд Игоря и его слова: «Ты — скала. Ничто не может тебя разбить.».

Я не замедлила шаг. Я не отвела глаз. Я протянула руку к ручке двери раньше нее, мое движение было точным и уверенным.

Наша руки не коснулись. Я открыла дверь, пропуская ее вперед с легким, чисто деловым жестом, каким пропускают незнакомого человека в лифт.

— Проходите, — сказала я совершенно нейтральным, пустым тоном, каким говорят: «Передайте, пожалуйста, за билет».

Она на миг опешила. Ее усмешка сползла. Она ждала чего угодно, но не этого ледяного, презрительного равнодушия. Она проскочила в преподавательскую первой, и я вошла следом.

В комнате, где обычно стоял утренний гул голосов и стук

чашек, воцарилась мертвая тишина. Все присутствующие — а их было человек восемь — замерли, как в плохой пьесе. Взгляды метались между мной и Кариной.

Я прошла к своему шкафчику. Чувствовала на спине десятки глаз. Шепотка не было. Была гнетущая, полная напряжения тишина, которую резал только шипящий звук закипающего чайника.

И тут Карина, явно не выдержав этой тишины и моего спокойствия, обернулась. Она сказала не мне, а в пространство, но громко, нарочито-слащавым голосом, обращаясь к нашей коллеге по кафедре, Нине Викторовне:

— Нина Викторовна, а вы не знаете, когда ректор будет на месте? Мне очень важно сдать ему заявление о материальной помощи нуждающимся. Он мне сам сказал, чтобы я подошла... лично.

Удар был низким, грязным и точечным. Она напомнила всем о своей «особой» связи. И подчеркнула, что у нее есть доступ к нему, даже после скандала. В воздухе повисла тягучая, неловкая пауза. Нина Викторовна, пунцовея, заерзала на стуле.

Я закрыла дверцу шкафчика. Звук щелчка прозвучал невероятно громко. Я обернулась. Я не смотрела на Карину. Я смотрела прямо на Нину Викторовну, и на моем лице появилась та самая, легкая, профессионально-вежливая улыбка, которую я использовала для нерадивых студентов.

— Нина Викторовна, — сказала я четко, перекрывая тя-

гостное молчание, — чтобы сдать заявление ректору, нужно пройти в приемную. График его приема, как обычно, висит на сайте и на двери секретариата. Личные просьбы, особенно от студентов, вне рабочего графика — это нарушение регламента. Вы, как куратор, наверняка это знаете. — Я сделала микро-паузу, давая словам осесть. — Но если есть срочность, я могу провести вас к секретарю после моей второй пары. Чтобы оформить все правильно. Материальная помощь нуждающимся — это, безусловно, очень важно.

В комнате кто-то сдавленно кашлянул, пряча смехок. Нина Викторовна закивала с такой благодарностью, будто я спасла ее от пожара.

А Карина... Карина стояла, сжимая бумажный стаканчик с кофе, который был у нее в руках, так, что из него чуть брызнул кофе. Ее лицо стало маской злобы. Я не стала ее унижать. Я просто поставила ее на место — как наглую студентку, не знающую правил. И в глазах коллег это сработало.

— Спасибо... Анна Сергеевна, я... я потом сама, — пробормотала Нина Викторовна.

Я кивнула, взяла папку с конспектами и направилась к выходу. Проходя мимо Карины, я, не глядя на нее бросила, уже тише, но так, чтобы слышали ближайшие:

— И, Карина, вы кофе облились. Лучше вытрите, пока не испортили новую дубленку окончательно. А то потом новую такую не купишь.

И вышла из преподавательской, оставив за спиной взрыв

нового, уже другого шепота — удивленного, оценивающего. Я не сорвалась. Не заплакала. Я просто сделала свою работу — поставила зарвавшегося студента на место. И в этом маленьком, академическом мирке это значило гораздо больше, чем любая истерика.

Первая битва нового дня была выиграна. Мне это придало толику сил.

Но, подходя к аудитории, я слышала, как тихий, злобный шепот снова настигает меня, уже из других уст: «Наглая...», «Как держится...», «А видели, что на ней надето?..». Броня держалась. Но под ней все еще было одно сплошное, болезненно пульсирующее пятно боли и унижения.

Впереди было четыре пары. Хватит ли мне сил?

Я почти дошла до своей аудитории, когда услышала за спиной быстрые, легкие шаги на каблуках и чей-то сдержанный оклик:

— Анна! Анна, подожди секунду!

Я обернулась. Это была Юлия, преподаватель с кафедры иностранных языков. Мы не были подругами в том смысле, чтобы ходить друг к другу в гости или делиться сокровенным. Но мы часто пересекались в коридорах, иногда в кафе садились вместе, обсуждая абсурдность учебных планов и глупость начальства. Это была легкая, необременительная приятельская связь — одна из немногих ниточек, связывавших меня с миром вне дома и Максима.

Юля догнала меня, ее обычно веселое лицо было серьез-

ным, а в глазах читалась неподдельная тревога. Она оглянулась по сторонам — коридор был почти пуст.

— Черт, Ань, я только вчера вечером все узнала, — зашептала она, понизив голос. — Ты как? Господи, я даже представить не могу...

В ее искреннем участии было что-то такое хрупкое, что моя броня дала трещину. Но я помнила наказ Игоря: никаких подробностей, никаких сцен.

— Жива-здорова, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и сделала шаг к двери аудитории. — Спасибо, Юль. Но у меня через минуту пара.

— Да пофиг на пару! — она схватила меня за локоть, потом сразу отпустила, будто обожглась. — Извини. Просто... я видела, как ты только что с этой... стервой в преподавательской. Молодец, кстати, королевско. Но, Ань, ты уверена, что тебе надо сегодня быть здесь? Может, больничный? Или отгул?

Ее забота была такой неожиданной и такой нужной, что ком снова подкатил к горлу. Но я сглотнула его.

— Не могу. Если сбегу — значит, признаю поражение. Значит, мне есть чего стыдиться. А у мне, — я выпрямилась, — скрывать нечего.

Юля смотрела на меня, и в ее взгляде было восхищение, смешанное с беспокойством.

— Ты железная. Но... — она снова оглянулась. — Ты же понимаешь, что она не успокоится? Эта Карина. Она будет

провоцировать. И он... Максим Петрович... он же здесь, в здании. Он может...

— Знаю, — перебила я ее. — Я готова. Вернее, не готова, но у меня нет выбора. А теперь правда пора. Спасибо, что подошла. Я ценю.

Я уже взялась за ручку, когда Юля снова окликнула меня, уже почти шепотом:

— Аня. Если что... если прижмет, или просто станет невозможно... ты знаешь, где мой кабинет. 305. Просто зайти. Без звонков, без предупреждений. У меня всегда есть чай. И крепкий коньяк в нижнем ящике, для «педагогических» кризисов. Окей?

Это маленькое, конкретное предложение помощи — не абстрактное «держишься», а четкий адрес и план действий — согрело сильнее любого чая. Я кивнула, и на этот раз моя улыбка была чуть менее натянутой.

— Ок. Спасибо, Юль. Правда.

Я зашла в аудиторию. Дверь закрылась за мной, отсекая и ее тревожный взгляд, и шепот коридоров. Передо мной сидели студенты. Их лица были разными: у одних — жалость, у других — нескрываемый интерес, у третьих — просто усталость от раннего утра.

Я положила папку на кафедру, глубоко вдохнула и произнесла своим обычным, лекторским голосом:

— Доброе утро. Открываем тетради. Продолжаем разбирать тему «Поэтика драмы». На прошлом занятии мы оста-

новились на анализе ремарки как элемента действия...

Голос не дрогнул. Руки не тряслись. Мир внутри мог рушиться, но здесь, в этих четырех стенах, я все еще была царь и бог, преподаватель. И это было моей единственной, самой прочной точкой опоры.

А где-то там, в кабинете 305, меня ждали чай, коньяк и искренняя поддержка. И это было больше, чем я могла ожидать в это утро.

Глава 9

Пара литературы у второго курса шла своим чередом.

Сначала казалось, что каждый звук моего голоса — чуждый, механический, будто я говорю из-под толстого стекла. Я видела свои руки, пишущие на доске, но не чувствовала мела в пальцах.

Но постепенно профессорский автопилот взял свое. Знакомая колея — схема конфликта, спор о подтексте в чеховских пьесах — затянула, успокоила. Я даже позволила себе забыться, увлекшись доказательством второкурснику, что «Вишневый сад» — это не элегия, а трагифарс, где герои смеются, чтобы не сойти с ума, и плачут, когда смеяться уже не получается.

В аудитории стояла та самая, редкая тишина поглощенного внимания. И на секунду я почти поверила, что все может остаться как прежде. Что я — просто преподаватель у доски, а не главная героиня университетского скандала.

И в этот момент дверь приоткрылась. Я тут же почувствовала, что это не просто случайный посетитель.

Сердце упало в пятки, замерло, а потом заколотилось с бешеной силой.

«Он. Он пришел. Сейчас будет скандал».

Но вошел не Максим. Вошел его секретарь, Артем. Молодой, всегда подобострастный и немного забитый парень. Он

выглядел так, будто шел на расстрел. В руке — фирменный белый конверт университета, тот самый, в котором рассылают выговоры и приказы об увольнении.

— Анна Сергеевна, — его голос предательски дрогнул, он сглотнул. — Вам... срочный документ. От администрации.

Вся аудитория замерла. Воздух словно выкачали. Мой профессиональный автопилот с треском разбился о стену паники. В голове пронеслись слова Игоря: *«Он будет бить по работе. Первое, что он попытается отнять»*.

Но я не думала, что так скоро. И так... публично. Это был спектакль. Рассчитанный на то, чтобы унижить меня при всех. Чтобы новые сплетни разлетелись пожаром.

Я стояла, чувствуя, как ледяная волна поднимается от пяток к макушке, а лицо, наоборот, пылает огнем. *«Не сейчас. Только не сейчас. Не при них»*.

— Спасибо, Артем, — прозвучал мой голос, и он был на удивление ровным, почти бесстрастным. — Положите на стол, пожалуйста.

Юноша замер в нерешительности. Он явно ждал, что я вскрыю конверт тут же, на глазах у тридцати свидетелей, и реакция станет частью представления. Но я не шевельнулась, лишь кивнула в сторону кафедры. Он, растерянно мотнув головой, положил злосчастный конверт и почти выбежал, закрыв дверь с тихим, но оглушительным щелчком.

Тишина в аудитории стала физически ощутимой, густой и липкой, как сироп. Все взгляды — жаждущие, сочувству-

ющие, злорадные — были прикованы к тому белому прямоугольнику на моем столе. Я видела, как обмениваются взглядами студенты на последней парте, как одна девушка на первой прикрывает ладонью чуть приоткрытый рот.

«Они ждут, когда я разревусь. Как вчера. Они ждут второго акта».

Я медленно, слишком медленно, подошла к кафедре. Рука сама потянулась к конверту. Пальцы скользнули по плотной бумаге. Внутри лежал один лист. Официальный бланк. Никаких рукописных записок. Чистая, безликая жестокость, написанная протокольным языком. Но в каждом слове, каждой букве так и сквозил яд.

«Уважаемая Анна Сергеевна Соколова.

В связи с возникновением чрезвычайной ситуации, наносящей ущерб репутации Университета и создающей нетерпимую морально-психологическую обстановку в коллективе, Вам предлагается в добровольном порядке написать заявление о временном отказе от проведения учебных занятий до завершения служебного расследования по факту распространения порочащих сведений. В противном случае вопрос будет передан на рассмотрение Ученого совета и Комиссии по этике для решения о Вашем принудительном отстранении.

С уважением, Администрация Университета.»

Ни подписи. Ни имени. Только штамп канцелярии и без-

душный канцелярит.

«Распространение порочащих сведений».

Это я, выходит, распространила? Это я снимала? Это я выложила в чат? Гнев, острый и ясный, как осколок стекла, пронзил ледяной страх. Он не просто выжимал меня. Он перекладывал вину. Он превращал меня из жертвы в соучастницу, в источник «нетерпимой обстановки».

Гениально. Подло. По-максимовски.

Кровь с силой ударила в виски, в ушах зазвенело. Я чувствовала, как дрожат колени под строгой юбкой. Но в голове вдруг четко и холодно, будто кто-то переключил тумблер, прозвучал голос Игоря: *«Любая их бумага — это не приговор. Это просто бумага. Твоя задача — не дать им превратить все в спектакль».*

Я медленно, преувеличенно аккуратно, сложила листок, сунула его обратно в конверт и положила поверх своих конспектов. Потом подняла голову и встретила взглядом с аудиторией. На моем лице не было ни паники, ни ярости. Было лишь легкое, академическое недоумение, с каким я обычно выслушиваю особенно глупый ответ на экзамене.

— Прошу прощения за небольшой административный перерыв, — сказала я, и голос мой прозвучал на удивление ровно, даже слегка сухо. — Где мы остановились? Ах, да. На тонкой грани между трагедией и фарсом. Иногда, — я сделала микро-паузу, — эту грань пытаются провести с помощью... официальных предписаний.

В аудитории кто-то сдавленно кашлянул. Самый дерзкий парень с галерки, тот самый, что вечно сидит в наушниках, не выдержал:

— Анна Сергеевна, а это... вас что, отстраняют?
 Вопрос повис в воздухе, наэлектризованный, жгучий. Все затаили дыхание.

Я улыбнулась. Не широко. А так, слегка тронув уголки губ, будто вспомнила давно известный, печальный анекдот.
 — Отстраняют? Нет, — сказала я твердо, глядя прямо на него. — Отстраняют от работы за профнепригодность. Мне же... предлагают «добровольно» отказаться от преподавания. Пока не закончится проверка. По факту моего собственного... публичного позора. — Я обвела взглядом аудиторию. — Видите, как интересно? Порой обстоятельства жизни становятся лучшей иллюстрацией к литературной теории. Это и есть попытка превратить личную трагедию — в административный фарс. Но мы-то с вами здесь для другого. Мы здесь, чтобы разбирать не бумажки из канцелярии, а пьесы. И в хорошей пьесе герой, на которого дают, обычно... не сгибается. А чем закончится история, это мы еще посмотрим. Теперь продолжим урок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.